

ПЕНЬЕ БЕЗ МУЗЫКИ

Ф. Ш.

Когда ты вспомнишь обо мне
в краю чужом — хоть эта фраза
всего лишь вымысел, а не
пророчество, о чем для глаза,

вооруженного слезой,
не может быть и речи: даты
из омута такой лесой
не вытацишь — итак, когда ты

за тридевять земель и за
морями, в форме эпилога
(хоть повторяю, что слеза,
за исключением былого,

все уменьшает) обо мне
вспомянешь все-таки в то Лето
Господне и вздохнешь — о не
вздыхай! — обозревая это

количество морей, полей,
разбросанных меж нами, ты не
 заметишь, что толпу нулей
возглавила сама.

В гордыне

твоей иль в слепоте моей
все дело, или в том, что рано
об этом говорить, но ей-
же Богу, мне сегодня странно,

что, будучи кругом в долгу,
поскольку ограждал так плохо
тебя от худших бед, могу
от этого избавить вздоха.

Грядущее есть форма тьмы,
сравнимая с ночным покоем.

В том будущем, о коем мы
не знаем ничего, о коем,

по крайности, сказать одно
сейчас я в состояньи точно:
что порознь нам суждено
с тобой в нем пребывать, и то, что

оно уже настало — рев
метели, превращенье крика
в глухое толковище слов
есть первая его улика —

в том будущем есть нечто, вещь,
способная утешить или
— настолько-то мой голос вещь! —
занять воображенье в стиле

рассказов Шахразады, с той
лишь разницей, что это больше
посмертный, чем весьма простой
страх смерти у нее — позволь же

сейчас, на языке родных
осин, тебя утешить; и да
пусть тени на снегу от них
толпятся как триумф Эвклида.

Когда ты вспомнишь обо мне,
дня, месяца, Господня Лета
такого-то, в чужой стране,
за тридевять земель — а это

гласит о двадцати восьми
возможностях — и каплей влаги
зрачок вооружишь, возьми
перо и чистый лист бумаги

и перпендикуляр стоймя
восставь, как небесам опору,

меж нашими с тобой двумя —
да, точками: ведь мы в ту пору

уменьшимся и там, Бог весть,
невидимые друг для друга,
почтем еще с тобой за честь
слыть точками; итак, разлука

есть проведение прямой,
и жаждущая встречи пара
любowników — твой взгляд и мой —
к вершине перпендикуляра

поднимется, не отыскав
убежища, помимо горних
высот, до ломоты в висках;
и это ли не треугольник!

Рассмотрим же фигуру ту,
которая в другую пору
заставила бы нас в поту
холодном пробуждаться, полу-

безумных лезть под кран, дабы
рассудок не спалила злоба;
и если от такой судьбы
избавлены мы были оба —

от ревности, примет, комет,
от приворотов, порч, снадобья —
то, видимо, лишь на предмет
черчения его подобья.

Рассмотрим же. Всему свой срок,
поскольку теснота, незрячесть
объятия — сама залог
незримости в разлуке — прячась

друг в друге, мы скрывались от
пространства, положив границей
ему свои лопатки — вот
оно и воздает сторицей

предательству; возьми перо
и чистую бумагу — символ
пространства — и, представив про-
порцию — а нам по силам

представить все пространство: наш
мир все же ограничен властью
Творца: пусть не наличьем страж
заоблачных, так чьей-то страстью

заоблачной — представь же ту
пропорцию прямой, лежащей
меж нами — ко всему листу
и, карту подстелив для вящей

подробности, разбей чертеж
на градусы, и в сетку втисни
длину ее — и ты найдешь
зависимость любви от жизни.

Итак, пуская длина черты
известна нам, а нам известно,
что это — как бы вид четы,
пределов тех, верней, где места

свиданья лишена она,
и ежели сия оценка
верна (она, увы, верна),
то перпендикуляр, из центра

восставленный, есть сумма сих
пронзительных двух взглядов; и на
основе этой силы их
находится его вершина

в пределах стратосферы — вряд
ли суммы наших взглядов хватит
на большее; а каждый взгляд,
к вершине обращенный, — катет.

Так двух прожекторов лучи,
исследуя враждебный хаос,

находят свою цель в ночи,
за облаком пересекаясь;

но цель их — не мишень солдат:
она для них сама — услуга,
как зеркало, куда глядят
не смеющие друг на друга

взглянуть; итак, кому ж, как не
мне, катету, незриму, нему,
доказывать тебе вполне
обыденную теорему

обратную, где, муча глаз
доказанных обильем пугал,
жизнь требует найти от нас
то, чем располагаем: угол.

Вот то, что нам с тобой ДАНО.
Надолго. Навсегда. И даже
пускай в неощутимой, но
в материи. Почти в пейзаже.

Вот место нашей встречи. Грот
заоблачный. Беседка в тучах.
Приют гостеприимный. Род
угла; притом, один из лучших

хотя бы уже тем, что нас
никто там не застигнет. Это
лишь наших достоянье глаз,
верх собственности для предмета.

За годы, ибо негде до —
до смерти нам встречаться боле,
мы это обживем гнездо,
таща туда по равной доле

скарб мыслей одиноких, хлам
невывказанных слов — все то, что
мы скопим по своим углам;
и рано или поздно точка

указанная обретет
почти материальный облик,
достоинство звезды и тот
свет внутренний, который облак

не застит — ибо сам Эвклид
при сумме двух углов и мрака
вокруг еще один сулит;
и это как бы форма брака.

Вот то, что нам с тобой дано.
Надолго. Навсегда. До гроба.
Невидимы друг другу. Но
оттуда обозримы оба

так будем и в ночи и днем,
от Запада и до Востока,
что мы, в конце концов, начнем
от этого зависеть ока

всевидящего. Как бы явь
на тьму ни налагала арест,
возьми его сейчас и вставь
в свой новый гороскоп, покамест

всевидящее око слов
не стало разбирать. Разлука
есть сумма наших трех углов,
а вызванная ею мука

есть форма тяготенья их
друг к другу; и она намного
сильней подобных форм других.
Уж точно, что сильней земного.

◆

Схоластика, ты скажешь. Да,
схоластика и в прятки с горем
лишенная примет стыда
игра. Но и звезда над морем —

что есть она как не (позволь
так молвить, чтоб высокий в этом
не узрила ты штиль) мозоль,
натертая в пространстве светом?

Схоластика. Почти. Бог весть.
Возможно. Усмотри в ответе
согласие. А что не есть
схоластика на этом свете?

Бог ведает. Клонясь ко сну,
я вижу за окном кончину
зимы; и не найти весну:
ночь хочет удержать причину

от следствия. В моем мозгу
какие-то квадраты, даты,
твоя или моя к виску
прижатая ладонь...

Когда ты

однажды вспомнишь обо мне,
окутанную вспомни мраком,
висящую вверху, вовне,
там где-нибудь, над Скагерраком,

в компании других планет,
мерцающую слабо, тускло,
звезду, которой, в общем, нет.
Но в том и состоит искусство

любви, вернее, жизни — в том,
чтоб видеть, чего нет в природе,
и в месте прозревать пустом
сокровища, чудовищ — вроде

крылатых женогрудых львов,
божков невероятной мощи,
вещающих судьбу орлов.
Подумай же, насколько проще

творения подобных тел,
плетения их оболочки

и прочих кропотливых дел —
вселение в пространство точки!

Ткни пальцем в темноту. Невесть
куда. Куда укажет ноготь.
Не в том суть жизни, что в ней есть,
но в вере в то, что в ней должно быть.

Ткни пальцем в темноту — туда,
где в качестве высокой ноты
должна была бы быть звезда;
и, если ее нет, длинноты,

затасканных сравнений лоск
прости: как запоздалый кочет,
униженный разлукой мозг
возвыситься невольно хочет.

1970